

Отзыв официального оппонента

на диссертацию

СУРКОВА Артема Владимировича

**" Социокультурный потенциал цифровой фотографии
в создании образа города",**

представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии

по специальности 24.00.01 – теория и история культуры

Диссертация А.В. Суркова посвящена актуальной теме, даже дважды актуальной – поскольку соединяет в себе подходы Urban Studies и интенции Digital Studies, которые представляю собой наиболее свежие, эвристически важные и социально значимые области исследований в современной гуманитарной науке. Ставится вопрос о репрезентации города, способа его существования и постижения в эпоху цифровых коммуникаций. Диссертант в обосновании актуальности выбранной проблемы исследования больше апеллирует к современным Visual Studies и, шире, Cultural Studies, поскольку объектом исследования является образ города, а предметом – собственно возможности цифровой фотографии в системе действий по созданию образа города. Тут есть интересный поворот мысли – от образа города в широком смысле к его визуальному образу, созданному некоей системой действий средствами цифровой фотографии. Система действий относит исследование к социокультурному контексту, выводя исследователя из узкой тропы визуальных штудий на широкую дорогу культурологии.

Гипотеза исследования и поставленные задачи фокусируют внимание на социокультурном контексте, оставляя, однако (на первый взгляд!) за бортом специфику собственно цифровой фотографии, ее отличия от фотографии аналоговой, то есть тот круг вопросов, который принадлежит цифровым исследованиям, не заявляемым автором во введении. В тексте работы однако эта проблематика представлена, сходства и различия разных техник и технологий фотографии рассмотрены и в целом, много внимания уделено именно цифровым исследованиям. Возможно, это не стало punctum'ом (если воспользоваться термином Р. Барта) работы автора именно потому что сам автор также является практиком и для него этот аспект исследования был более знакомым и «ушел в фон». Думается, что если бы Digital Studies как методология были представлены более полно, это обогатило бы работу и сняло бы часть вопросов к ней.

Практикоориентированность диссертации является ее несомненным достоинством. Обращает на себя внимание, что диссертант настолько хорошо погружен в практический контекст, что с легкостью переходит от теоретических рассуждений к иллюстрациям их кейсами из практики, и обратно. Представляется интересным заявленный автором окуляроцентристский подход, обосновываемый автором как попытка осмыслить медиа фотографии как

технику репрезентации. Последовательное следование этому подходу местами даже играет с автором диссертации коварную шутку, так, в нескольких местах на страницах работы мы встречаем тавтологию типа «репрезентировать единство культурных репрезентаций» (с. 117), то есть сам термин «репрезентация» вдруг начинает жить собственной жизнью, становясь симулякром понимания культурных процессов.

Диссертация демонстрирует хорошую логику, ясность мышления автора и его увлеченность исследуемой темой. Работу отличает ясная структура, четко сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования. Автор заявляет разработку и апробацию собственной методики анализа образа города средствами цифровой фотографии, что и делает во второй главе. В целом, работа выглядит основательной, серьезной, самостоятельной, видно, что проработан большой теоретический материал, который был автором критически осмыслен и соотнесен с конкретными культурными практиками.

Первая глава диссертации посвящена образу города и его культурологическому исследованию. Автор декларирует уход от европоцентристской модели исследования и одновременно стремится обезопасить себя от попытки «объять необъятное», хотя и попадает тут в ловушку собственных амбиций: « Не ставя задачу детального охвата всех исторических периодов, в работе проведен детальный анализ репрезентации образа города на примере фресок, картин и книжных иллюстраций с I в. до н. э. по XIX в. н. э. и перенимающие методику репрезентации технологии фотографии XIX– XXI вв.» С детальным анализом дело обстоит достаточно поверхностно, но в целом, диссертант делает беглый обзор репрезентаций образа города в истории культуры. С теоретической точки зрения, диссертант очень фундаментально подошел к сложному для определения концепту «образ», он выделяет 4 трактовки понятия, и, что особенно ценно, каждую из них он соотносит с современной действительностью и материалом своего исследования. Очень хорошим подходом являются постоянный камертон автора, с которым он сверяется – это практикоориентированность работы. Работа написана в формате прикладной культурологии, так, проанализировав трактовки образа, автор тут же соотносит их с реальностью создания образа города, отмечая, в каком случае целесообразно опираться на такую-то трактовку, а в каком – на другую. Исследование социокультурного потенциала города с опорой на философские идеи Аристотеля и соотнесением философской теории с практикой фотографирования через теоретические идеи С. Зонтаг выглядят убедительно.

Здесь также есть несколько интересных моментов, которые могут дать автору направления для дальнейшей мысли. Так, анализируя образ как идеал, А.В. Сурков дает интересный ракурс анализа этого образа города в контексте «доставания», оптимизации и развития города. Любопытно было бы соотнести этот образ развития с платоновским пониманием идеала как никогда не достижимого, но существующего в коллективном воображении. Вообще, понятие воображения ускользает от автора данной работы и он не фокусируется

на традиции исследования воображения и воображаемого, хотя это могло бы быть логичным при исследовании образа (города).

Актуальность исследования воображения для современной культуры велика. Начиная с прошлого века, на протяжении более чем столетия воображение было предметом исследования целенаправленно, причем уделяли этому внимание как психология (где воображение понималось как одна из психических способностей), так и философия, и социология, антропология, культурология. Работ о воображении стало особенно много на рубеже и в начале нынешнего века, во многом это связано с общим вектором интегральности разных областей гуманитарного знания и переориентацией философии к «практической философии», о чем ратовал еще Ницше, провидя, что ранее чем через сто лет его не услышат. Радостно, что Ницше услышан и данная работа прекрасный тому пример.

Современная гуманитарная мысль также достаточно много внимания уделяет анализу воображения как способности человека (Г. Башляр, Ж. Дюран, М. Маффесоли), как индивидуальной, так и социальной (социальное воображение), анализируются концепты воображаемого и социального воображаемого (А.В. Конева, Н.Н. Суворов). Это может в дальнейшем дать другую оптику исследования социокультурного потенциала образа города. В работе автор много раз говорит о том, что образ города есть некий образ, разделяемый всеми – то есть по сути подходит к пониманию того, что образ города есть продукт социального воображаемого. Диссертант пишет о тех теориях, которые видят образ города как продукт массового сознания (Г.Г.Почепцов) или как совокупность впечатлений горожанина (А. Горовиц), но не принимает это направление для себя как перспективное. Однако это могло бы открыть другие перспективы.

Город есть воображаемый феномен – не просто запечатленный образ, но более того, он есть продукт социального воображения. Что это значит? Это значит не просто констатацию факта, что есть некий образ и комплекс смыслов, касательно города, разделяемый всеми, а также технологии создания образов и влияния через них на смыслы, но это означает, что есть доминанта смысла, которая детерминирует видение и создает пред-видение города субъектом через ту сетку исторических и современных смыслов и значимых доминант в пространстве-времени. Об этом же тот феномен видения-узнавания, о котором пишет автор работы, ссылаясь на В.В. Савчука: это не просто вопрос сжимающегося пространства-времени и доступности образов, запечатленных фотографией, цифровой фотографией, но и о способе бытования этого образа в социальном воображаемом. Задавшись, к примеру, вопросом, почему именно Савчук приводит в пример Паваротти и Эверест («кто не слышал Паваротти и не видел Эверест»), мы обнаружим конгломерат смыслов, делающих именно эти примеры узнаваемыми, то же относится и к городам, что видно на примере образов, приведенных в диссертации: города-примеры это Париж, Рим, Нью-Йорк...

Второй момент, который вызывает рефлекссию оппонента – это постоянный рефрен важности разнообразия и различия. Диссертант

подчеркивает, что цифровая фотография преодолевает бинарность структуры мышления и оценивания и в этом видит ее современность. Это важная и эвристически плодотворная мысль, которая также может быть подкреплена включением методологии цифровых исследований (в диссертации упоминается и анализируется Л.Манович с посылом «давайте посмотрим на это все») и широкого культурологического взгляда через призму смены культурных парадигм. В современности формируется, вернее уже сформировалась новая парадигма культуры, которую в одной из своих статей я назвала парадигмой Различия (Difference). Увидев цифровую фотографию как технологию фиксации и признания различий, как представляется, можно было бы выйти на иной уровень социокультурных обобщений.

Также интересным представляется акцент на эмоциональном освоении действительности. Автор работы тут ссылается на авторитеты в области исследования фотографии, подчеркивая, что фотографирование имеет этот эмоциональный компонент, и отмечает, что в начале 21 века этот эмоциональный аспект вовлеченности становится особенно важен. Действительно, сегодня исследование внутреннего мира, своих особенностей восприятия, заметная психологизация идентификационных и культурных практик является приметой времени. Эмоциональный интеллект получает приоритет над рациональным, одновременно мы сталкиваемся с невозможностью верификации истины, что требует от субъекта усилий по соотносению внешнего потока информации с внутренним основанием, которое до сих пор остается проблемным для самого субъекта. По сути, мы тут касаемся вопроса идентификации, который выходит за пределы интересов автора данной работы, но в теоретическом поле звучит актуально.

Вторая глава работы более «фотографична». Автор рассматривает практики фотографии и технологии, выделяет различия между аналоговой и цифровой съемкой и явно хорошо разбирается в материале. Здесь автор вводит несколько понятий, таких как «темпоральность», «мета-образ» и «вместимость», целью диссертанта было структурировать обильный материал, однако, данные понятия лишь увеличили теоретическую плотность, не слишком прояснив собственно проблему исследования. В созданной автором модели и в ее реализации возникает множество мелких вопросов, внимание словно рассеивается на детали – например, как увеличивает социокультурный потенциал фотографии информация о том, что модель на снимке носит 36 размер обуви, что у пары на руках нет обручальных колец и т.п.(с. 114)? Мета-образ складывается из трех композиций внутри кадра – что это дает исследователю? (там же). Однако сама идея выстроить многокомпонентную модель и с ее помощью экспериментально исследовать образ города представляется плодотворной. Возможно, именно здесь пригодились бы разработки Ж.Дюрана об антропологических структурах воображаемого, а также теоретические выкладки С. Зонтаг об этике зрения и антологии изображений.

В целом диссертация целостна и логична, А.В. Сурков проделал большую и качественную работу, опираясь на фундаментальные теории, увидел связь этих теорий, точки их пересечения, взаимные стимулы развития. Работа

самостоятельна, в ней есть актуальность и научная новизна, авторская модель и апробация оригинальны, положения, выносимые на защиту, обладают эвристической значимостью.

Тем не менее, данная диссертация вызывает ряд вопросов и замечаний.

1. Не вполне понятно, почему под цифровой фотографией автор понимает одновременно и само изображение и комплекс практик, его порождающих, на наш взгляд было бы логично вслед за П. Бурдьё, С. Зонтаг, Р. Бартом развести собственно социокультурную практику цифрового фотографирования и само полученное в итоге изображение.

2. Исследуя образы городов, автор декларирует, что уходит от европоцентристской модели, действительно, там, где речь идет о древних городах, прослеживается некое движение с востока на запад – от древних городов Азии, упоминаются протогорода Урала, Египетской цивилизации. Но в дальнейшем, увы, репрезентации городов остаются вновь лишь в европейском ландшафте, что вполне объяснимо наличием большего количества материала, но противоречит изначальному заявлению. Это же мы видим и в дальнейшем тексте диссертации, так, метафоры городов, упрощенные их схемы и брендированный имидж – все это приводится на примере городов западной культуры. Тогда возникает вопрос: почему? Что не так с городами восточными? Возможно, они чем-то принципиально отличаются?

3. На стр. 26 диссертант, цитируя С.Б. Веселову, соглашается с тем, что для римлянина будущее важнее прошлого: «Здесь человека судьбы сменяет человек проекта. Римлянин не возвращается, лучшее у него впереди» и далее утверждает, что «названная тенденция проявляет себя и в городах XX века, притом, сказывается на практиках управления городом». То есть, диссертант полагает, что современность, как и Римская культура реализует идентификацию человека как человека проекта и это влияет на создание образа города и управление этим городом. Можно согласиться, что современность, действительно, поддерживает проектную идентификацию субъекта, сегодня мы наблюдаем развитие культурных практик сампрезентации как личного бренда и, продолжая рассуждение, мы видим в этой же линии брендирование территории и построение образа города как бренда и, вероятно, проекта. Однако возникает вопрос: какие именно культурные движения способствуют сходству Римской империи и современности? Что было в промежутке? И – если образ города сопряжен с идентификационными практиками субъекта – то как именно устроено это сопряжение?

4. На стр. 60 автор пишет: «Важным уточнением анализа имиджа в экономическом контексте становится тот факт, что имидж выступает категорией постиндустриального общества, не отражающей особенности информационного общества». Возникает вопрос о соотношении понятий постиндустриального и информационного общества.

5. Автор утверждает, что образ стереотипизирует: «Соответствие стереотипам тоже предполагает репродукцию и отсутствие новизны в образе. Стереотип упрощает, схематизирует воспринимаемую действительность»; «При этом XX век, включая образ города в бизнес-коммуникациях, маркетинге,

брендинге территорий, и делая его самостоятельным продуктом, приходит к редукции образа города, его сознательному упрощению, близкому к архаико-мифологическому уровню мышления» (стр. 64) Однако применительно к цифровой фотографии и следуя мысли самого автора о преодолении бинарности, было бы логично полагать, что цифровая фотография как раз преодолевает стереотипность, в прямом смысле (становясь мета-образом в терминологии автора) «включает это все» и позволяет быть разнообразию. То есть цифровая фотография как раз, как представляется, выходит за рамки стереотипного, архетипического, проявляя различие. Тогда возникает вопрос – как из различия формируется образ города? И как существующий образ города влияет на практики цифровой фотографии, порождающей разнообразие?

Данные замечания не снижают общей высокой оценки работы. Диссертация А.В. Суркова является самостоятельным завершенным оригинальным исследованием, полностью отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, соответствует паспорту специальности 24.00.01 – Теория и история культуры и п.9 Положения о присуждении ученых степеней УРФУ. Автор данного исследования Сурков Артем Владимирович заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 — теория и история культуры.

Доктор культурологии, доцент кафедры
теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного
института культуры

Анна Владимировна Конева

Адрес организации:

191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 2

Тел.: +7 921 896447

akoneva@list.ru

Подпись руки

 заверяю

еля кадров

 А.С. Кижасева